

Г-жа Боннэр, члены семьи д-ра Сахарова, члены Конгресса, уважаемые гости,

Благодарю Вас всех, собравшихся здесь для чествования человека, с которым большинству присутствующих не довелось даже встретиться. Мы очень сожалеем об этом, и я с нетерпением жду дня, когда Андрей Сахаров сможет отпраздновать свой день рождения вместе с нами.

На прошлой неделе в этом же зале Анатолий Щаранский рассказывал об академике Сахарове и о правозащитном движении, в котором они оба активно участвовали. Щаранский сейчас на свободе, и это кажется чудом. Но те, кто на протяжении долгих девяти лет боролись за его освобождение, знают, что это чудо свершилось благодаря его стойкости и их настойчивости. Щаранского освободили потому, что о нем не забыли на Западе, как и остальных узников совести, которых в СССР держат в заключении. Мы будем добиваться их освобождения и соблюдения основных прав человека до тех пор, пока советские руководители не осознают, что уважение этих прав является основным условием нормальных, продуктивных отношений между Западом и Востоком.

Андрей Сахаров, 65-летие которого мы отмечаем сегодня, всегда ясно сознавал, что наш мир становится все более тесным.

Как физик, Андрей Сахаров продолжает благородную гуманную традицию Эйнштейна и Нильса Бора, понимавших, что сила атома сделала сохранение мира обязательным условием выживания человечества.

Как политический мыслитель, Сахаров продолжает традицию Ганди и Мартина Лютера Кинга, которые превратили совесть в оружие свободы.

Как русский мыслитель, Сахаров продолжает традиции Герцена и Толстого, идеи которых, рожденные в одиноких размышлениях, определили тем не менее нравственные поиски их современников.

Сегодня мы чествуем академика Сахарова — к сожалению, в его отсутствие, — за величие его духа, за то, что он, по словам Никиты Хрущева, стал „нравственным кристаллом среди ученых”. * Мы и далее будем чествовать его наилучшим способом — продолжая, с его именем в сердце, отстаивать мир, прогресс и права человека, во имя чего он пожертвовал своей свободой.

Академик Сахаров не имеет возможности даже узнать, что мы помним о его дне рождения и отмечаем его. Сегодняшняя церемония продемонстрирует и ему и руководителям СССР, которые вынудили его проводить этот день рождения в ссылке, в одиночестве, что американцы не забыли его и не забудут.

Наши мысли о нем — вот единственный подарок, который мы можем преподнести ему в его день рождения в таких обстоятельствах. Но этот подарок не могут задержать ни таможенники, ни цензоры на советской почте, ни агенты КГБ, охраняющие его квартиру в Горьком и пресекающие все нормальные человеческие связи Сахарова.

Андрей Сахаров занимает прочное место в наших мыслях и в нашей памяти. Мы тревожимся за него не только в день его рождения, но повседневно. Мы всегда будем заботиться о его благополучии. Мы не забываем, что он находится в заточении и мечтаем о его освобождении.

Мы не только хотим этого. Мы этого требуем. И мы будем добиваться этого до тех пор, пока советское руководство не освободит Сахарова.

Как и Сахаров, мы, американцы, стремимся к стабильным, конструктивным и мирным отношениям между двумя сверхдержавами. Мы знаем, что на пути к этой цели много

* Н. С. Хрущев, Воспоминания, Избранные отрывки, Н.-Й. Чалидзе публикейшенс, 1979 г., стр. 238, — Ред.

реальных трудностей. Есть среди них и искусственно созданные. Одна проблема могла бы быть решена без всякого труда — это освобождение Андрея Сахарова. Он мог бы быть освобожден немедленно. Это следовало сделать давным давно.

Но пока его голос не зазвучит снова на весь мир, мы, разделяющие его ценности и мечты, должны говорить за него.

Тринадцать лет назад один западный журналист спросил Андрея Сахарова, почему, несмотря на тщетность его выступлений в защиту других людей, он не прекращает открыто протестовать. На вопрос журналиста Сахаров ответил: „Бывает, что человек ни на что не надеется, но все равно выступает, потому что он не может молчать”.*

Мы выступаем сегодня в защиту Сахарова, потому что его принудили замолчать, потому что мы снова хотим слышать его голос, и потому, что мы обязаны говорить, если этого не может сделать он.

Мы не должны молчать. И мы не будем молчать.

Уильям Брумфильд

Г-жа Боннэр, члены семьи Сахарова, члены Конгресса, уважаемые гости!

Я благодарен за возможность открыть вместе с конгрессменом Фасселом наше приятное и одновременно грустное празднество. Это праздник, поскольку собрались почитатели академика Сахарова, и в то же время это печальный день, так как отсутствует человек, которого мы все здесь чествуем. Мы даже не знаем, как он себя чувствует сейчас, и не знаем, когда мы услышим его голос.

День рождения Андрея Сахарова — всеамериканское торжество. Мы сознаем, что обязаны этому великому человеку и его усилиям по сохранению мира во имя прав человека. Это борьба, которую русские и американцы ведут совместно. Когда мы выиграем эту битву (а мы ее обязательно выиграем), плоды победы будем пожинать мы все.

Это празднество — элемент так называемой публичной дипломатии. Это демонстрация озабоченности американского народа, который никогда не молчит перед лицом несправедливости. Публичная дипломатия дает свои плоды, но одной публичной дипломатии, разумеется, недостаточно. Наилучшие результаты публичная дипломатия приносит в сочетании с непрекращающимися и терпеливыми усилиями политических деятелей. Добиваться конкретных результатов нелегко, в особенности когда имеешь дело с советскими руководителями. Но это удавалось в прошлом и удастся сейчас. Наше сегодняшнее торжество должно стимулировать усилия по освобождению д-ра Сахарова. Мы не можем надеяться на быстрый успех, но мы не прекратим усилий и в будущем. Месяц назад мы с Данте Фассе-

* Интервью Оле Стенхольму, корреспонденту шведского радио и телевидения, 29 июля 1973 г. — Сахаровский сборник. Издательство Хроника, Нью-Йорк, 1981 г., стр. 231. — Ред.